

А.К. КАМАЛОВ

«ВНУТРЕННИЕ ВАРВАРЫ» В ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ (618-907 ГГ.): ПОЛОЖЕНИЕ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Изучение положения тюрков и ираноязычных народов в танском Китае предполагает рассмотрение проблемы взаимодействия их с ханьцами, составлявшими господствовавший этнос, в руках которого находилось управление империей, а также взаимодействия некитайских этнических групп между собой. В основе истории тюрков и иранцев в Танской империи лежит взаимосвязь между разными формами хозяйственной и социальной жизни – кочевой и оседлой, представленными соответственно кочевыми тюрками и оседлыми согдийцами и китайцами.

Большое значение для исследования вопросов взаимодействия народов в Китае имеет то, как те или иные некитайские народы идентифицировали себя. Согласно китайской имперской идеологии, все некитайские жители Китая было дикими иноземцами, которые, в отличие, от их собратьев за пределами Срединного государства, находились под благотворным преобразующим влиянием ханьской цивилизации.

Отношение китайцев к «внутренним» некитайским народам четко просматривается в жизнеописаниях известных танских деятелей тюркского и иранского происхождения. Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание общая терминология, в которой описываются их жизнь и деятельность. Примечательно в этом смысле название одной из глав танских династийных историй, целиком посвященной жизнеописаниям деятелей иноземного происхождения. Она называется «иноземные генералы [из числа] всех варваров» (*чжсу и фаньцзянь*) [1, гл. 110, с. 4111]. В названии главы китайские историографы отразили свое представление об этих деятелях как об иноземцах (*фань*), как о варварах (*и*), в то же время, показали, что все они объединяются в общую категорию, независимо от их этнического происхождения (*чжсу и* – «все варвары»). О последнем можно судить по тому, что в эту главу помещены жизнеописания иноземцев разного этнического происхождения – тюрков, иранцев, тунгусо-маньчжуков, тибетцев: здесь даются биографии тюрков-туцзюэ Ши Даная, Ашина Шэр, Ашина Чжун, Чжиши Сыли, огуза Циби Хэли, корейца Цюань Наньшэн, мохэ (тунгусо-маньчжурский народ) Ли Цзяньсин и Ли Дочжа, тибетца Лунь Гуншэня, хотанского правителя Вэй

Цишэна, кашгарского правителя Пэйфэнэя.

Противопоставление генералов иноземного происхождения ханьцам ярко выражено в их обобщающей характеристике, представленной в завершающей части главы – хвалебной речи (*чзаньюэ*), которая гласит: «Варвары *и* и *ди* по натуре искренние и упрямые. Они могут знать, [что такое] долг, и являются прямолинейными. Их воинственность и прямота не давали продвигаться [им по службе]. Говорили, что умения [у них] недостаточно, а верности часто была более чем достаточно. Если посмотреть на [Ши] Даная и др. служивших [Тан людей], все они были едины в намерении, не было таких, кто бы колебался. Используя возможность, [они] устанавливали яркие заслуги, верили Сыну Неба» [1, гл. 110, с. 4130]. В этой характеристике дано место указанных генералов среди варваров четырех сторон света – «*и* и *ди*», то есть «западные» и «северные». Отличие этих представителей варваров от остальных заключается в том, что они «могут знать, [что такое] долг». Чувство долга является характеристикой цивилизованных китайцев, поэтому танские генералы иноземного происхождения «могли» иметь представление о нем, естественно, под влиянием преобразующего влияния китайской цивилизации. Свойственные им варварские черты, как прямолинейность и воинственность, не были препятствием в установлении ими заслуг перед империей, но препятствовали их продвижению по служебной лестнице. Тем самым, танские деятели иноземного происхождения предстают перед нами как люди, которые еще сохраняют свои «варварские» черты, но находятся под преобразующим влиянием ханьской культуры. Эта оценка выражала позиции китайских историографов, но она отражала и позицию танской идеологии в отношении «внутренних варваров».

Отношение к танским военачальниками некитайского происхождения как к инородцам и противопоставление их ханьцам отчетливо демонстрируются в текстах. В описаниях иноземцев неизменно присутствует характеристики, которые были призваны рисовать их «варварами», для чего оттенялись черты, подчеркивавшие их неханьскую сущность. Иноземцы должны были олицетворять диких людей, схожих с животными, по-

этому эти свойства неизменно подчеркивались в их характеристиках. В жизнеописаниях отмечаются качества, характеризующие их как прекрасных воинов – смелость, решительность, храбрость, самоотверженность. Как правило, приграничные иноземцы, будь то тюрки или согдийцы, были хорошими наездниками, прекрасно стреляли из лука и пользовались другими видами оружия. О согдийце Ли Хуайсяне говорится, например, что он – «хороший наездник и стрелок, имел прозорливый ум и проворность» [1, гл. 212, с. 5967]. Другого согдийца отличали решительность и дерзость [1, гл. 156, с. 4901]. В то же время, иноземцам были свойственны дерзость, несдержанность, упрямство, прямолинейность, свойственные нецивилизованным людям. Так, о генерале Пугу Хуайэне говорится: «по иноземной (фань) натуре [он] был свирепым, быстрым и несдержаным» [2, гл. 121, л. 46]. Историографы также приводят чрезвычайные физические особенности, которыми иноземцы отличались от ханьцев – «прекрасная борода» у согдийца Ли Юаньляна, тучность у Ань Лушаня, чрезвычайная физическая сила у большинства выдающихся генералов.

Отношение к тюркам и иранцам как инородцам не только декларировалось официальной идеологией и нашло отражение в исторических сочинениях, но демонстрировалось часто в повседневной жизни. Сведения об этом содержатся в «Биографии» согдийца Ли Юаньляна, принимавшего участие в подавлении антитанского выступления Яжу Цы в 782-783 годах. Мы уже ссылались на случай, когда один из ханьских генералов отказался подчиняться согдийцу Ли Юаньлян, заявив, что сдастся «только генералу-ханьцу» [1, гл. 156, с. 4901].

Если у нас не возникает вопросов относительно того, как ханьцы воспринимали тюрков и иранцев, живших в Китае, то вопрос о самоидентификации этих этнических групп является достаточно сложным в силу отсутствия письменных свидетельств, созданных представителями этих групп в Срединном государстве. Тем не менее, можно попытаться проанализировать то немногое, что нам известно из письменных источников. Прежде всего, нужно отметить, что восприятие Китая и китайцев тюрками, жившими в Танской империи, не слишком отличалось от представлений, выраженных в тюркских рунических текстах. Образ Китая в них негативный и является реакцией на китайскую политику в отношении тюрков, направленную на их разъединение и ослабление. Тюрки понимали всю опасность, ис-

ходившую от Срединного государства. В памятнике в честь Кюль-тегина китайская имперская политика «разделяй и властвуй», примененная в отношении тюрок-туцзюэ, описана так: «Вследствие «непрямоты» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, [а также] вследствие того, что они [табгач] ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, тюркский народ привел в расстройство свой [до того времени] существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним [до того времени] кагана; народу табгач стали они [türkci] рабами своим крепким потомством. Тюркские правители сложили [с себя] свои тюркские имена [т.е. звания и титулы] и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач» [3, с. 37]. Далее рассказывается, что тюркский народ, подчинившись Китаю в 630 г., стал «врагом кагана народа табгач», т.е. Китая.

В представлении тюрков, Срединное государство коварством и хитростью, а также роскошными дарами привлекает к себе живущие далеко народы. Эти народы, прельщенные сладкими речами и драгоценностями китайцев, прибывали к границам Китая и попадали под его тлетворное влияние. Однако лишь отдельные группы тюрков могли попасть под влияние Китая, но целые роды не отклонялись от своего пути. Китайское влияние, под которое могли попасть тюрки, представлялось пагубным для тюрков. В памятнике в честь Кюль-тегина говорится: «У народа табгач, дающего [нам теперь] без ограничения столько золота, серебра, спирта (или: зерна) и шелка, [всегда] была речь сладкая, а драгоценности «мягкие» (т.е. роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали к себе далеко [жившие] народы. [Те же] поселяясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование. Хороших и мудрых людей, благородных героев табгач и их сторонники не [могли] сдвинуть [с истинного пути]. Но если [отдельные лица] из тюрков [и соблазнялись], то целые роды [даже] до свойственников (до брачного родства) не отклонялись. Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными (дарами – A.K) и драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве. Тюркский народ, когда часть твоя говорила: я желаю селиться не только справа (т.е. на юге) в Чугайской черни, но и в Тюнс-

кой равнине, то тогда там злобные люди так научали часть тюркского народа, говоря: «Кто живет далеко, [тому табгач] дают плохие дары, кто живет близко, [тому] дают хорошие дары» [4, с. 34]. Отсюда, для тюрков является гибельной любой контакт с китайцами. Только, поддержание отношений с Китаем на расстоянии посредством отправки караванов избавляет тюрков от горя: «О тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкенской стране, [лишь] посылаешь караваны [за подарками, т.е. за данью], у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созиная свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден [но, тем не менее,] ты не понимаешь [состояния] сытости (т.е. истинный причин сытости) и, раз насытившись, ты не понимаешь [состояния] голода...» [5, с. 35].

Эти представления о китайцах сохранялись у тюрков, поселявшихся в пределах Китая, хотя они уходили туда под влиянием «злобных» людей, зазывавших их роскошью и драгоценностями, предоставляемыми оседлым обществом. По крайней мере, они могли сохраняться у первых поколений поселявшихся в Китае тюрков, в то время, как последующие поколения, могли подвергаться китаизации. Последнее верно, по крайней мере, для аристократических кругов, тесно связанных с императорским домом.

В источниках имеются указания о том, что этническая самоидентификация у тюркских племен, живших в Китае, была устойчиво сильной. Очень показателен в этом отношении пример с уйгурами. Они были не только осведомлены о том, как их этническое название записывалось в китайских документах, но даже пытались воздействовать на форму написания этнонима китайскими иероглифами. Этот этноним транскрибировался двумя иероглифами *хуэйхэ*, первый из которых обозначал «возвращаться», а второй – «шелк низкого качества». Прибытие посольства с подобной просьбой датируется в источниках по-разному. «Цзю Тан шу» сообщает, что Баои каган в 809 г. направил в Чанъян послы с просьбой «изменить их название на *хуэйху*, которое означало, что они врачаются по кругу (*хуэй*) и являются легкими и быстрыми как соколы (*ху*)» [2, гл. 195, 10б]. В «Синь Тан шу» эта информация помещена в сообщении об уйгурском посольстве, прибывшем в 788 г. для встречи танской принцессы Сяньянь: «В это время каган напра-

вил сообщение императору, в котором говорилось: «В прежние времена мы были старшим и младшим братьями, но теперь я – Ваш зять, ваш сын наполовину...» [6, с. 76, 141-142]. Он также просил разрешения изменить имя *хуэйхэ* на *хуэйху*, говоря, что они являются быстрыми хищниками подобно соколу (*ху*)» [28, 217А, 8а]. Просьба уйголов была выполнена и в последующем в китайских текстах стала применяться другая транскрипция названия «уйгур», в котором использовался иероглиф, означающий «сокол». Этот факт свидетельствует, что уйгуры имели хорошее представление об иероглифических знаках, которыми китайцы транскрибировали их самоназвание в своей письменности. Из существующих двух вариантов датировки – 788 г. и 806-821 гг., И. Эчеди обосновывает правомерность первого варианта, что нам также кажется правильным [7, с. 93-94].

В отношении употребления тюркских этнонимов в китайских источниках наблюдается следующая закономерность. В сведениях о тюрках VI-VIII вв., включая племена, селившиеся в Китае, встречается большое число родоплеменных наименований, многие из которых не поддаются реконструкции на тюркский язык. Такое же многообразие относится в это время и к огузским племенам во главе с уйгурами. Со сменой власти восточных тюрков на уйгурсскую в 744 г. происходит резкое сокращение тюркских и огузских этнонимов в танских текстах. Единственным событием, в связи с которым наблюдается увеличение огузских этнонимов в китайских текстах, является миграция уйгурских племен в Северный Китай после 840 г. Эта тенденция объяснялась А.Г. Малявкиным как результат неосведомленности китайских историографов о событиях, происходивших за пределами Китая [8, с. 120]. В отличие от А.Г. Малявкина, мы рассматриваем эту тенденцию как результат естественных процессов, связанных с появлением и пребыванием тюрков и огузов в Китае. В пределах Китая тюрки-туцзюэ играли значительную роль до восстания Ань Лушаня (755 г.), когда активные внешнеполитические связи Тан с тюрками и огузами приводили к подчинению племен, заселявшихся в приграничных районах страны. В то же время, тюрки привлекались Танской династией к завоевательным походам и защите границ империи от внешних вторжений. После восстания Ань Лушаня происходит изменение в статусе выходцев из Центральной Азии в Китае, произошедшее из того факта, что ведущей и направляющей силой вос-

стания были согдийцы и тюрки. В изменившемся положении иноземцев в Китае после восстания тюрок-туцзюэ исчезают со страниц китайских анналов, уступив место огузским (уйгурским) племенам и западным тюркам-шато. Тем самым, тюркская этнонимика в танских текстах отражает происходившие перемены в положении тюроков и согдийцев в Китае, связанные с прекращением прибытия новых мигрантов-тюрок. Отсутствие новых вливаний в тюркское, равно как и согдийское, население Китая, свою очередь, способствовало ускорению процесса их китайизации.

Мы уже говорили о различных позициях тюрков-туцзюэ и огузов во внутренних конфликтах в Танской империи на примере восстания Ань Лушаня. Это различие касалось в основном вопроса верности и лояльности тех или иных тюркских племен императорской власти. Вместе с тем отношения между разными тюркскими группами не были простыми: источники показывают существовавшие между ними противоречия и даже противоборство, однако они не носили характера этнической оппозиции, за исключением тюроко-уйгурского противостояния во время восстания Ань Лушаня при вовлеченности Уйгурского каганата, о котором мы писали выше. Как бы то ни было, среди тюркских народов, живших в Китае, не было противостояния, основанного на родоплеменных различиях. Они все осознавали себя тюрками, которых четко различали и китайцы.

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом идентичности ираноязычных народов империи. Китайские источники использовали обобщающие понятия для обозначения их этнической принадлежности, главным из которых было слово *ху* (западные варвары). Первоначально это слово имело обычное значение «варвары» и особенно «северные варвары». Позже оно стало применяться в основном для иранцев Центральной Азии и в особенности согдийцев [9, с. 318]. Ираноязычные народы из разных областей называли себя по названию местности, откуда они были родом. Это отразилось и в их китайских именах, в которых первое слово было сокращением названия местности. Из всех ираноязычных народов, которые оказывались на территории танского Китая, самую большую группу составляли согдийцы. Другая группа состояла из выходцев из оазисов Восточного Туркестана – хотанцев, кашгарцев и др. Выходцы из собственно Ирана составляли незначительную часть ираноязычных народов и были заметны среди торговцев, живших в южных китайских портовых городах – Гу-

анчжоу и др. Что касается согдийцев и восточно-торукестанцев, они отличали друг друга и даже противопоставляли себя друг другу. Об этом говорит противостояние Ань Лушаня и Гэшуханя, имевших смешанное тюрко-иранское происхождение. Хотя озвученное в данном случае противопоставление, основанное на том, что мать Гэ Шуханя была *ху* из Хотана, в то время, как отец Ань Лушаня был согдийцем, может быть объяснено не столько этническими различиями, сколько личной неприязнью между ними, все же различие было представлено важным моментом.

Более интересным является наличие в согдийской среде значительной группы выходцев из Тюркского и Уйгурского каганатов, тесно связанных с тюрками, самоидентификация которых была нечетко выраженной. Эта часть согдийцев была тесно инкорпорирована в тюркскую среду и соответственно тюрокизирована [10, с. 271-273]. О посреднической роли согдийцев в отношениях тюрков с внешним миром уже говорилось в нашей работе. Эти согдийцы знали хорошо тюркский язык, поселялись в Китае вместе с тюрками. В эпоху Уйгурского каганата они также находились в тесных контактах с уйгурами, жившими в империи или прибывавшими с разными миссиями сюда из каганата. Несколько интересных фактов тюроко-согдийского сосуществования описаны китайскими историографами в период миграции уйголов в Китай в 840-848 годы.

В Танской империи иноземцы, в том числе тюрки и согдийцы привлекались на службу в ведомство по дипломатическим отношениям Хунлусы, которое занималось вопросами приема иностранных посланников. Эти переводчики набирались из числа молодых иноземцев. Кроме того, в штате Имперского секретариата (Чжуншщэн) находились десять переводчиков [11, с. 186]. В 843 г., когда возникла проблема уйгурских беженцев в северном Китае, и танский двор находился в переписке с подчинившимися уйгурами, одним из таких переводчиков был уйгур Ши Фоцин, фамилия которого указывает на его согдийское происхождение [12, с. 107-108]. В связи с ожидаемым приездом кыргызского посла министр Ли Дэюй поставил вопрос о надежности использования этого уйгура (согдийца) в качестве переводчика в переговорах с кыргызом из-за вражды между уйгурами и кыргызами. Ли Дэюй писал в письме императору: «Ши Фоцин и другие – все уйгурской расы (чжунлэй), поэтому могут иметь чувства к своей родной земле. После прибытия кыргызского посла в столицу, я опасаюсь, что они не

будут переводить нам все, что будет сказано не в пользу уйголов, но тайно и немедленно сообщат об этом другим уйгурам в столице» [13, с. 292]. Это сообщение свидетельствует о том, что даже уйгурская община Чанъани, тесно связанная с танскими правящими кругами, не просто сохраняла этническое сознание, отличное от ханьского, но и была очень чувствительной к событиям, происходившим на родине. Если переводчик Ши Фоцин был «уйгурским» согдийцем, то ясно, что уйгуро-согдийское сосуществование было настолько сильным, что события в степи и поражение уйгуров глубоко трогали его, несмотря на его согдийского происхождения.

Язык оставался важным компонентом этнического сознания в приграничных областях, населенных тюрками и согдийцами. Когда танский двор принимал на службу тюрksких военачальников, под его командование приписывались тюркские отряды, поскольку возникал вопрос общения между командиром и подчиненными. В 842 г., когда подчинившийся Танам уйгурский принц Умосы (уйг. Ормузд) был назначен командующим по умиротворению уйгуров, он просил, чтобы в его командование была дана кавалерия некитайцев, чей язык он мог бы знать. Тогда ему были приписаны войска из тюрков-шато [14, с. 106].

Иноземцы, живя из поколения в поколение в приграничных областях Китая и вступая в контакт с ханьским населением, не могли не подвергаться влиянию китайской культуры. Особенность этому способствовали условия позднетанского Китая, враждебного ко всему иноземному. История тюркской династии хэбэйских губернаторов из рода Абуз, рассмотренная нами выше, показывает, как со временем происходила китайизация инородцев, особенно тех, кто занимал высокое положение в обществе и был вовлечен в управление областями. Несмотря на сильное влияние ханьской культуры, тюрки в Танской империи сохраняли этническую идентичность, в то время, как согдийцы инкорпорировались в состав тюрок-шато и уйгуров.

Когда мы говорим о переселении тюрков-кочевников в пределы Китая, встает вопрос о том, как происходила адаптация кочевников к оседло-земледельческой жизни в Китае. Кочевое общество является самодостаточным в обеспечении себя необходимыми жизненными продуктами, оно вступало при необходимости в обменные отношения с земледельческими обществами [15, с. 323-361]. В Танской империи не происходило процесса скоротечного перехода от кочевничес-

ства к оседлой жизни, поскольку приграничные районы Китая имели благоприятные условия для кочевой жизни и ведения животноводческого хозяйства. Более того, как показали исследования Э. Пуллиблэнка, кочевой жизни не были чужды даже согдийцы – выходцы из каганата, которые, живя длительное время среди тюрков, кочуя вместе с тюрками, принимали их образ жизни [16, с. 34-36].

История тюрков и ираноязычных народов Танской империи обнаруживает большое сходство, обусловленное, с одной стороны, общим их статусом «иноzemцев» и отношением китайцев к ним как «варварам», с другой стороны, тесными контактами, которые тюрки и ираноязычные народы имели на ранних этапах их истории, задолго до их появления на территории Китая. Несмотря на доминирование ханьской культуры, тюрки и иранцы сохраняли свою этническую самоидентификацию, которая была особенно сильной в первые два столетия существования империи. Тесное взаимодействие тюрков и иранцев на территории Срединного государства со временем приобрело форму симбиоза, что являлось отражением аналогичных этнокультурных процессов, происходивших в Центральной Азии. Этот симбиоз в позднетанском Китае завершился полной адаптацией согдийцев в тюркское население приграничных областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синь Тан шу (Новая история династии Тан) / сост. Оу Янью. – Пекин: Чжунхуа шщцзюй, 1986.
2. Цзю Тан шу (Старая история династии Тан) / сост. Лю Сюй. Сер. Сыбу цункань. – Шанхай, 1936.
3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
5. Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-IV вв. – М.: Наука, 1990. – Вып. 2.
6. Mackerras C. The Uighur Empire (744-840). According to the T'ang Dynastic Histories. – Canberra: Australian National University, 1968.
7. Ecsedy H. Uighurs and Tibetans in Pei-t'ing (790-791 A.D.) // Acta Orientalia Hungaricae. – 1964. – Т. XVII. – P. 83-104.
8. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. – Новосибирск: Наука. – 1983.
9. Pulleyblank E.G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia / T'oung Pao. – Paris-Leydes, 1952. – № 41. – P. 317-356.
10. Harmatta J. Irano-Turcica // Acta Orientalia Hungaricae. – 1972. – Т. XXV. – P. 263-273.
11. Rotours R. des. Traite des fonctionnaires et traite de l'armee, traduits de nouvelle Histoire des T'ang. – Leide, 1947-1948. – Vol. 1.
12. Drompp M.R. A note on Interpreters of Turkic Languages in Late T'ang China. – Altaic Religious Beliefs and Practices.

Proceedings of the 33rd Meeting of the PIAC. – Budapest, 1992.
– P. 103-109.

13. Drompp M.R. Tang China and the Collapse of the Uighur Empire. A Documentary History. – Leiden-Boston: Brill, 2005.

14. Drompp M.R. A note on Interpreters of Turkic Languages in Late T'ang China. – Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the PIAC. – Budapest, 1992.
– P. 103-109.

15. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-пресс, 2000.

16. Pulleyblank E.G. The An Lu-shan Rebellion and the Origins of Chronic Militarism in Late T'ang China. – Essays on T'ang Society: The Interplay of Social, Political and Economic Forces. Ed. by J.C. Perry and B.L. Smith. – Leiden: Brill, 1976.
– P. 33-60

Резюме

Тан империясындағы (618-907 гг.) ішкі шетжерліктердің (туркілер мен ирантілдес соғдылықтар мысалында) мән-жайын қарастырады. Қытай және түркі деректері анализі негізінде хан мәдениеті үстемдік еткен Тан империясында Қытай аумағында өмір сүрген

туркілер мен ирандықтар өзінің этникалық растауын сақтап қалғаны туралы тұжырымдар береді. Орталық мемлекеттер территориясындағы түркілер мен ирандықтардың тығызы қарым-қатынастары уақыт өте келе үқсас этномәдени құбылыстарға дәлме-дәл айнасымен симбиоз үлгісіне айналды. Бұл симбиоз кейінгі тандық Қытайды шекаралық облыстардағы түркі жүртшылығына соғдылықтардың толық сінісуіне әкелді.

Summary

The article discusses the status and identity of non-Chinese peoples populated the frontier territories of the T'ang Empire (618-907). Based on the analysis of the Chinese and Turkic historical texts it concludes that the 'internal' Turks and Sogdians lived in China remained their ethnic identity despite of domination of the Han Chinese culture. Close relations between the Turks and Iranian Sogdians on the territory of the Chinese Empire gradually acquired a form of symbiosis, which was a reflection of similar processes occurred in Central Asia. This symbiosis in late T'ang period accomplished with full adaptation of the Sogdians within the Turkic population of China.